

— Алла Борисовна, почему вы убеждены, что такой театр необходим?

— Действительно, на ближайшие годы для меня главная задача создание Театра песни, то есть постоянного помещения с высоким техническим оснащением и высокопрофессиональным творческим и административным штатом, который мог бы стать базой большой экспериментальной работы по созданию драматургии песни. У нас много певцов с сильными, красивыми голосами, но, как правило, для раскрытия собственного таланта им не хватает то одного, то другого. Так пусть же это «одно» и это «другое» будет в Театре песни.

Специфика работы эстрадных певцов заключается в постоянном переезде с площадки на площадку. Каждый раз певец должен выстроить на новой сцене как бы свой собственный театр, но ведь это далеко не всегда возможно! Мне легче — я долго работаю на одном месте, тем не менее проблема эта важна и для меня. Я стараюсь исполнять песни разного плана. Моя программа в «Олимпийском» была в своем роде необычной, но она могла и может существовать только в «Олимпийском». Театр чем хорош? Он имеет свой постоянно изменяющийся репертуар, рассчитанный на различные вкусы. Мне же новую программу приходится «амортизировать» три года, и она подходит далеко не всем зрителям. Те, кто смотрел в «Олимпийском» «Пришла и говорю», могут не знать или забыть, что у меня были камерные «Монологи певицы», естественно, не подходящие к гигантской сцене «Олимпийского». И театральная тематическая программа мне необходима. На концертах я пою для одних «Миллион алых роз», для других — песни на стихи Цветаевой, Мандельштама. И еще пробую что-то новое. Это не значит идти у публики на поводу. Я пою только то, что сама себе подбираю. Но люди купили билет, люди пришли на концерт, и я просто обязана добиться, чтобы из зала все ушло удовлетворенными.

Театр песни даст нам возможность сегодня показать одну программу, завтра — другую, а зрителю — самому выбирать то, что ему нравится. Программы должны быть тщательно продуманы, как продумывается обычно драматический спектакль. Все в таком театре должно быть подчинено песне, «работать» на песню, если можно так выразиться...

Особенно это важно для песен высокого гражданского звучания, которые будут определять лицо нашего театра, его репертуар песен, требующих особого к себе подхода, потому что мы хотим, чтобы они трогали сердце каждого сидящего в зале.

На этот раз мы встретились с народной артисткой РСФСР, популярной певицей Аллой Пугачевой не для того, вернее, не только для того, чтобы поговорить с ней о песнях, которые она поет и которые порой сама сочиняет. И не только для того, чтобы побеседовать о фильмах, в которых Алла Борисовна уже снялась или снимается сейчас. Мы встретились главным образом для того, чтобы обсудить идею, выдвинутую недавно Пугачевой и представляющую, на наш взгляд, определенный интерес.

Народная артистка РСФСР А. Б. Пугачева увлечена сейчас идеей создать в Москве Театр песни. Насколько он необходим? Какие проблемы он призван решить?

Алла ПУГАЧЕВА:

ПЕСНЕ НУЖЕН СВОЙ ДОМ

— Вы считаете, что в доме, отданном песне, музыка будет звучать по-другому?

— Естественно. Песня, прослушанная на пластинке, — это одно, на концерте — совсем другое. Та же песня, показанная по телевидению с его эффектами, — третье. В кино — четвертое. А в театре мне бы хотелось, чтобы все эти возможности были сконцентрированы. Чтобы все, что помогает раскрыть сюжет песни, образ певца, находилось в театре, обладающем к тому же своей студией, своей фонотекой и даже своим балетом.

— А как этот театр должен выглядеть внешне? Как некое необычное сооружение? Или как обычный традиционный параллелепипед с торчащей башней сценической коробки?

— Это Зеркальный театр в саде «Эрмитаж». «Эрмитаж» — в какой-то степени история эстрады, и я хочу, чтобы Театр песни чуть-чуть напомнил нам о прошлом. Каждый вечер иллюминация, оркестр,

маленькие кафе. Такой московский островок праздника, карнавала. В «Эрмитаже» уже есть небольшой театр «Сфера», работает Театр миниатюр. Наш театр не должен быть «супермодерным». Он должен остаться в традициях «Эрмитажа».

Итак, если Зеркальный театр станет Театром песни, мы бы хотели его немного перестроить. Сделать зал, предположим, на 1600—1800 человек. Программы, которые требуют пристального рассмотрения и точных технических деталей, нуждаются именно в таком количестве людей. И зритель чувствует себя в таком зале удобно: он и певца видит, и ничто ему не мешает слушать и смотреть. Мне бы хотелось, чтобы и зал трансформировался, но как? — это мой секрет.

— Мы говорим о внешнем виде театра. Но из чего будет состоять его репертуар, его жизнь? Как я понял, Театр песни, который вы предлагаете, чем-то напоминает парижскую «Олимпию». Певец, добившийся права выйти на сцену «Олимпии», — это певец, которого признала публика. «Олимпия» — как подпись на договоре о счастливой судьбе. Такого авторитета вы хотите добиться и для Театра песни?

— О, пример «Олимпии»

достаточно интересен. Несмотря на то, что там всегда много иностранных певцов, все вокруг напоминает о традициях французской песни. Хочется, чтобы в нашем театре неизменно сохранялись — при любом приезде исполнителя — традиции советской песни, которая имеет свою, очень интересную историю.

Есть еще и такой момент: когда к нам приезжают зарубежные исполнители, они привозят с собой всю аппаратуру. А это стоит недешево. В свое время, когда я отправлялась в «Олимпию», французы меня предупредили — ничего с собой брать не надо, есть все необходи-

жен свет, какие инструменты, по разным причинам он не может их получить в тех организациях, где он числится, потому что там сперва попросят показать, зачем певцу все это понадобилось. А как показывать? К тому же певцу, который ищет свой образ, свое лицо, нужен постоянный совет, «глаз» со стороны. Вот еще для чего необходим новый театр...

Там все будет виднее. Если ты при таком богатстве не смог привлечь к себе внимания, увы, ничего не поделаешь...

— Алла Борисовна, вопрос, не связанный с Театром песни. Разговор о другом виде искусства — о кино. Режиссер Наум Ардашиков и сценарист Илья Резник работают над фильмом, в котором вы снимаетесь. Я знаю, что на днях вы смотрели отснятый материал. Что вы можете сказать о картине?

— Она пока мне нравится...

— Что представляет собой фильм? В нем есть сюжет, как в обычных музыкальных картинах, например, как в «Женщине, которая поет»? Или это просто киноконцерт?

— Можно сказать — «фильм-кинопесня». Мне хочется назвать будущую картину именно так. В «Женщине, которая поет» рассказывалась история некой певицы, а песни образовывали как бы канву этой истории. Здесь же мне хочется средствами кино, которых нет у телевидения и театра, раскрыть содержание песни.

Я мечтаю принять участие в создании фильмов такого типа, как «Цирк», «Веселые ребята». Но прежде чем подступить к такой работе, наверное, придется поставить на себе точку как на певице, поющей с экрана. Я больше не хочу играть в кино роль эстрадной актрисы — несчастливой в начале и счастливой в конце. Мне хочется показать, что я могу сыграть в кино не только это. Могу сыграть деревенскую женщину, пилота авиалайнера. Но я не могу и не хочу бесконечно играть одно и то же! Человек ни в жизни, ни в творчестве ни в коем случае не должен повторяться...

В. МЕЛИК-КАРАМОВ

